

Т.А. ГУРКО

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Аннотация. Трансформация институтов брака, семьи и родительства в последние десятилетия в условиях стремительных социальных, экономических, культурных и технологических инноваций в мировом масштабе побуждает теоретиков искать объяснения характера и направленности происходящих процессов. Перспективная систематизация теоретических подходов к анализу трансформации семьи представлена американскими социологами семьи Стэном Кнаппом и Греггом Вурмом. Критерии в типологии авторов — уровень соотнесения (the relationality) «семьи», вертикальный / горизонтальный, и размерность (the dimensionality) — одно / многомерное измерение.

В данной статье поставлена задача отразить данную типологию с тем, чтобы многие российские исследователи вышли за пределы теоретизирования в рамках противоборствующих парадигм кризиса — адаптивной модернизации института семьи, споров, которые являются скорее идеологическими, нежели научными.

Институциональный подход (ИП) широко представлен в работах классиков зарубежной и российской социологии семьи. Классический ИП расширяется за счет работ представителей нового институционального подхода (НИП). В подходе деинституционализации, не институциональном (НП) основной акцент ставится на возрастании индивидуальных потребностей, «семья» — это «чистые отношения». Подход диверсификации, постинституциональный (ПП), наряду с другими обозначившийся и автором данной статьи в середине 1990-х гг., представляется наиболее конструктивным для анализа трансформации семьи. На основе различных статистических источников показана диверсификация семейного института, распространение новых семейных структур во многих странах мира. Авторы анализируемой типологии считают перспективным подход институциональной логики (ПИЛ) применительно к семье, в статье очерчены основные связанные с ним вопросы.

Проблематизируется применение классической теории семейного развития, которая сформулирована в XX в. в период доминирования нормативных семейных путей. Обращается внимание на недостаток российских лонгитюдных исследований и работ, в которых описываются типичные семейные жизненные пути.

Гурко Татьяна Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, отдел исследования динамики социальной адаптации, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-26-64. **Электронная почта:** tgurko@yandex.ru

Сделан вывод о важности анализа трансформации семейного института и семейных путей в различных социальных группах, образцы брачно-семейного поведения которых гипотетически различаются в большей мере, нежели в разных странах.

Ключевые слова: семья; трансформация; институт; индивидуализация; диверсификация; институциональная логика; семейный жизненный путь.

Для цитирования: Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052

В последние десятилетия институт семьи меняется стремительно и вызывает бурные споры среди ученых относительно характера и направленности этого процесса. Как отметила С. Кунц, отношения между мужчинами и женщинами изменились за последние тридцать лет больше, чем за предыдущие три тысячи, существенная трансформация произошла с институтами брака и семьи, которая уже необратима [30, р. 17]. «Правильный исследовательский вопрос в сегодняшнем мире не “в каком типе семьи мы хотим, чтобы жили люди?”, а “что мы знаем о том, как помочь каждой семье укрепить ее сильные стороны и минимизировать проблемы?”» [29, р. 5].

Американские социологи из Университета Бригама Янга Стэн Кнапп и Грег Вурм предложили типологию различных подходов к теоретизированию семейных изменений (см. рис. 1)

	<i>Вертикальное соотнесение</i>	<i>Горизонтальное соотнесение</i>
<i>Одномерность (семья/не семья)</i>	I. Институциональный подход (ИП) (кризис-модернизация, адаптация)	II. Неинституциональный подход (НП) (деинституциализация, индивидуализация)
<i>Многомерность (семьи)</i>	IV. Подход институциональной логики (ПИЛ) (дифференциация)	III. Постинституциональный подход (ПП) (диверсификация)

Рис. 1. Типология подходов к анализу изменений семьи

Источник: [37, р. 2].

Критерий соотнесения (the relationality) в данной типологии подразумевает либо вертикальный анализ связи института семьи с другими социальными структурами, либо горизонтальный — сравнение различных семейных форм друг с другом. При горизонтальном сравнении все отношения расцениваются как формально эквивалентные, поскольку они формируются индивидуализированными способами, а не «сверху» с помощью социальных норм.

Критерий измерения (the dimensionality) «относится к способу, которым феномен себя идентифицирует либо на основе единичного признака или аспекта, либо на основе различных признаков» [37, р. 2].

Приведем простой пример дискуссии о том, следует ли называть семью «семьей» или во множественном числе: «семьи». Так, в определении автора статьи, по крайней мере в контексте изучения родительства, под «семьей» понимается семья с несовершеннолетними детьми; в контексте семейной политики возраст «детей» может быть выше (учащиеся в возрасте до 23 лет, совершеннолетние недееспособные). В других контекстах, например в статистике, это определение иное.

Институциональный подход (ИП)

Первый, институциональный подход (ИП) широко представлен в работах классиков зарубежной и российской социологии семьи. В ИП семья понимается «в терминах упорядочения чем-то внешним по отношению к себе, чем-то, с чем она связана в вертикальном отношении» [37, р. 3]. В числе основных утверждений ИП: приоритет жизни в семье, основанной на браке; рождение детей и их воспитание обоими родителями, то есть целесообразность нормативной семьи; стабильность брака; приоритет интересов семьи как целого над личными интересами [11, с. 180].

Среди наиболее ранних представителей ИП — Э. Дюркгейм, американские социологи (У. Самнер, Т. Парсонс), британские антропологи (Э. Вестермарк, А. Редклифф-Браун, Б. Малиновский). Социологи П. Сорокин и К. Циммерман анализировали исторические циклы развития института семьи и сделали достаточно пессимистический прогноз в отношении западных обществ [11, с. 22, 86–87]. Они полагали, что культура, не организующая жизнь людей вокруг семьи, создает такую социальную политику, которая ставит в привилегированное положение индивидуума в ущерб семье, а «атомистическая» семья не способна к полноценному воспроизводству.

Современные авторы связывают кризис семьи с секуляризацией, ослаблением института религии. На базе данных всемирного исследования ценностей (World Values Survey — WVS) и глобального исследования семьи и пола (Global Family and Gender Survey — GFGS) анализировалось влияние религиозности супругов на четыре основных переменных: качество отношений, рождаемость, домашнее насилие и измены в 11 странах — Аргентине, Австралии, Чили, Канаде, Колумбии, Франции, Ирландии, Мексике, Перу, Соединенном Королевстве и США [49, р. 16–17]. Было установлено, что больше верующих пар довольны отношениями и сексуально удовлетворены в сравнении со смешанными и неверующими парами. В странах с низкой рождаемостью верующие имеют больше детей, поскольку чаще вступают в брак. Но физическое, эмоциональное и сексуальное насилие над женщинами случается среди верующих пар так же часто, как и среди неверующих [49, р. 2–3]. Реже изменяют друг другу пары, в которых оба супруга верующие или, напротив, оба неверующие, в сравнении со смешанными парами, что интерпретируется важностью совпадения убеждений супругов [49, р. 36–37].

ИП широко представлен и в работах классиков российской социологии семьи. Семья понималась как социальная структура с установ-

ленными ролями, нормами и ценностями для реализации как социальных, так и индивидуальных функций [19, с. 24–53]. В рамках этого подхода уже много десятилетий и в России, и за рубежом идут дебаты о развитии института семьи и последствиях ее трансформации. Это противоборствующие позиции — упадка (кризиса) семьи и семейной пластичности (модернизации). В России представители первой позиции демографы А.И. Антонов, В.А. Борисов, А.Б. Синельников [1; 2; 15], а также многие религиозные и политические деятели. Наиболее известные ученые на Западе — представители *перспективы упадка (кризиса) семьи* — А. Карлсон, Д. Попено, Ф. Фукуяма, П. Эмейто. Вторую позицию поддерживают в России демографы А.Г. Вишневецкий, С.В. Захаров [3; 4], в прошлом — социолог семьи С.И. Голод [6; 7], а на Западе многие ученые, в том числе феминистски ориентированные [11, с. 22–24].

Институты поддерживаются тремя «столпами»: регулятивной системой (законы и религия), нормативной (ценности и нормы) и культурно-познавательной [27, р. 63]. Именно последняя система находится в поле зрения представителей нового институционального подхода (НИП), ибо позволяет понять развитие института семьи, но не его деинституционализацию. Представители НИП утверждают, что институциональное поведение не требует сознательного мышления со стороны актора, который полагается на познавательные схемы как рутинную часть жизни. Познавательные схемы, в свою очередь, меняются в различных культурных условиях [27, р. 65].

Новый институциональный подход (НИП) представлен в работах канадских социологов Дж. Уайта, Ш. Лоер и К. Яодэнис. Так, Уайт анализирует влияние взаимодействия институциональных норм на семейный жизненный путь, а также взаимовлияние культурных семейных норм в условиях миграции и глобализации [48, р. 116–118, 141].

С точки зрения НИП, даже если люди не принимают институциональные нормы вербально, в ситуации неопределенности они ведут себя в соответствии с ними. На эмпирическом уровне показано, что на фоне удручающей демографической статистики происходит реинституционализация брака, например среди военных в США; возродились различные ритуалы бракосочетания в скандинавских странах; увеличивается доля повторных браков и основанных на них сводных семей [50, р. 186].

Несмотря на популярность концептуализации семьи как социального института в XX в. и интенсивность дебатов вокруг кризиса и адаптации, ученые стали искать новые пути для объяснения происходящих изменений [37, р. 2].

Неинституциональный подход (НП)

Второй подход в типологии Кнаппа и Вурма — *деинституционализации* — предполагает, что ослабляются социальные нормы, культурные и социальные структуры, которые регулируют и ограничивают индивидов в устройстве ими личной жизни. Основной акцент в НП ставится на возрастании индивидуальных потребностей [11, с. 181]. Результатом, по

определению Э. Черлина, становится индивидуализированный брак [27, р. 63]. Впервые этот процесс обозначил Э. Бёрджесс как переход брака от института к товариществу, что, по его мнению, в первую очередь было связано с урбанизацией и индустриализацией [25, р. 39].

Надо отметить, что еще советские социологи семьи подчеркивали повышение роли эмоционального и сексуального удовлетворения супругов как факторов успешности брака, а также ослабление институциональных основ брака и семьи [6; 19; 20].

Современные зарубежные авторы маркируют этот процесс как деинституционализацию модели семьи, укрепившейся после второй мировой войны [35, р. 416]. По мнению Э. Гидденса, «для большинства сексуально “нормальной” популяции любовь обычно связана с сексуальностью через брак; но теперь двое все в большей и большей степени оказываются связанными через чистые отношения» [8, с. 49]. С. Кунц объясняет деинституционализацию и индивидуализацию брака уменьшением поддержки государствами нормативной семьи и проводит аналогию с ослаблением института религии [29, р. 7]. По мнению П. Эмейто, «люди более не хотят иметь обязательства перед другими, супружеское обязательство также длится только пока люди счастливы и чувствуют, что их собственные потребности удовлетворяются» [22, р. 960].

Кнапп и Вурм отмечают, что индивиды все чаще сталкиваются с социальным контекстом без нормативного упорядочения, контекстом, наполненным амбивалентностью, который требует от них активного конструирования смысла и практик без жестко установленных культурных правил. Представители подхода деинституциализации анализируют семейные изменения в терминах *одномерности и горизонтальных соотношений* и сосредотачиваются на индивидуализированном «я» и его способности формировать отношения, предпочитаемые им самим и для себя [37, р. 6].

Э. Черлин выделяет три источника деинституционализации брака, следствием чего становится деинституциализация семьи. Изменение окружающих институтов, в первую очередь рынка труда, который стал открыт для женщин, изменение ресурсной среды, прежде всего развитие средств контрацепции, и внутренние противоречия, то есть перераспределение супружеских ролей [27, р. 65].

Постинституциональный подход (ПП)

Суть третьего подхода — *диверсификации* (от diversity) — признание разнообразия семейных форм. Кнапп и Вурм подчеркивают, что это *постинституциональный подход* «в том смысле, что он учитывает некоторые свойства институциональной природы семьи, но тем не менее является критическим по отношению к нему» [37, р. 6]. Этот подход использует критерии *многомерности и горизонтальных соотношений*. Представители подхода считают, что не стоит переоценивать автономию личности, люди строят отношения, используя институциональ-

ные элементы разнообразными и творчески адаптивными способами. Множественность, характеризующая современную семейную жизнь, интерпретируется не столько как признак деинституционализированного индивидуализма, сколько как трансформация «семьи», включение прежних ее «альтернатив» в это понятие. Иными словами, развивается институциональное разнообразие, возникают новые семейные формы [6, с. 50–65; 9, с. 96; 12, с. 103–104].

В этом подходе также выделяется направление, применяющее процессуальные понятия, когда, например, «семья» используется как глагол вместо существительного. Обычно это исследования в рамках феноменологии, например, с использованием понятия “doing family” [40; 41]. Однако Кнапп и Вурм ставят вопрос, «сколько и какие формы поведения могут найти убежище под познавательным зонтиком семьи?.. Какова общая субстанция, которая объединяет их в общее понятие, чтобы их можно было затем обозначить как “разнообразные”?» [37, р. 9].

Во многих развитых странах, в частности в Англии, саму отрасль «социологии семьи» заменили на «социологию личной жизни, или социологию семей» [34, р. 757]. Как подчеркивает австралийский исследователь К. Кук, «в сегодняшней ситуации нет общепринятого понимания, что такое “семья”, кто “в семье”, а кто “вне ее” не только в академической среде, но и в политической, социальной и экономической сферах жизни. В связи с этим возникают проблемы выплат государственных субсидий, определения статуса мигранта, наследования и др.» [28, р. 2].

Многообразие моделей воспроизводства населения, брака и семейной жизни в значительной мере определяется степенью модернизации, урбанизации, социальным режимом, доминирующей религией и главное — степенью религиозности населения. Так, специальный анализ свидетельствует, что наибольшей резистенцией к модернизационно-секуляризирующим процессам отличается ислам, за ним следуют католическое христианство и православие. Наиболее же подверженными секуляризационным процессам оказываются протестантские страны, а также страны конфуцианско-махаянского религиозного комплекса Восточной Азии [14, с. 99].

Согласно обследованию 30133 человек из 27 стран, проведенному Исследовательским центром Пью (PEW) в 2018 г., только 15% отметили, что семейные связи в их стране укрепились в последние двадцать лет; 58% считают, что они ослабли, а 22% — не изменились. Ослабление семейных связей отметили большинство опрошенных в Южной Корее (83%), в Тунисе (74%), в Польше (67%), в Италии (66%), в США (64%), в Германии, Японии (61%), в России (60%), в Венгрии, Греции, Кении, Бразилии (59%), Испании, Нидерландах (58%), во Франции (56%), в Англии (54%), в Израиле, Канаде, Индии, Аргентине (53%), в Австралии (51%), в Мехико (50%) и ряде других стран. Так считает меньшинство жителей Филиппин (16%), Индонезии (23%), а также

Нигерии (43%), в Южной Африке (48%) и Швеции (49%). Практически во всех странах более половины отметивших ослабление семейных связей считают, что это плохо для их страны [42, р. 28].

Диверсификацию семейных образцов на международном уровне можно анализировать на основании различных источников. Наибольшая доля семей с детьми, основанных на первом браке (нормативных), зафиксирована в странах Азии и на Ближнем Востоке, где сожительства встречаются редко [49, р. 65]; в развитых странах таких семей становится все меньше.

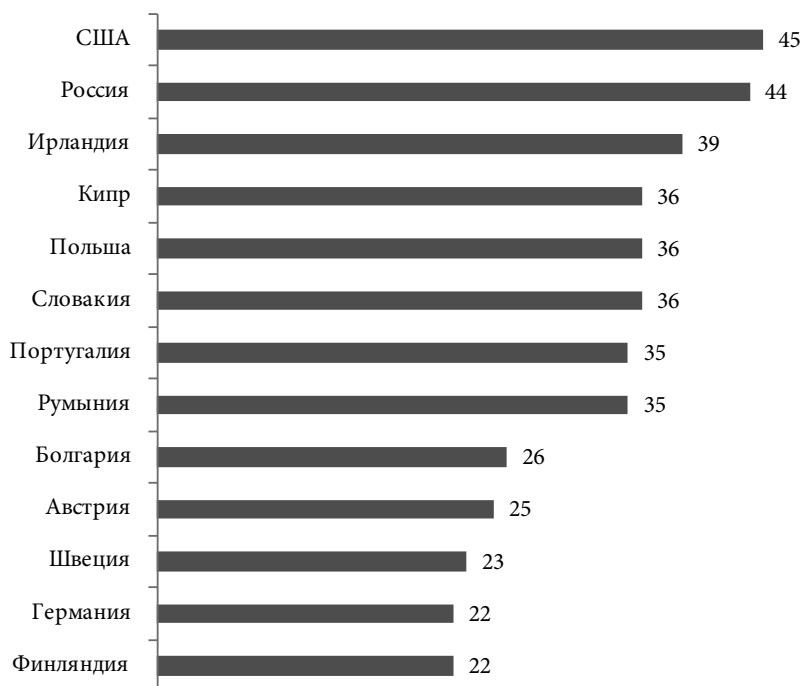

Рис. 2. Доля домохозяйств с детьми в ЕС (страны с наибольшими и наименьшими показателями) в 2018 г., в США и России в 2010 г.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в разных странах мира средний размер и структура домохозяйств различны [45]. Варьирует также доля домохозяйств с детьми (см. рис. 2). Так, в ЕС в 2018 г. почти треть домохозяйств включали зависимых детей (до 15 лет или от 16 до 24 лет, если последние экономически или социально зависят от членов домохозяйства). Больше всего таких домохозяйств в Ирландии (39%), на Кипре, в Польше, в Словакии (36%) и Румынии (35%). Меньше всего — в Германии и Финляндии (22%), в Швеции (23%), в Австрии (25%), в Болгарии (26%) (см. данные

Евростата¹). В США, по переписи 2010 г., в 45% домохозяйств проживали дети до 18 лет²; в России в 2010 г. — в 44% домохозяйств [5].

Страны существенно различаются по доле домохозяйств с тремя и более детьми (см. рис. 3). Согласно данным Евростата, больше многодетных (трое и более детей) в Ирландии (26%), в Финляндии (19%), в Бельгии и Франции (18%), в Нидерландах (17%), в Англии (16%). Меньше всего многодетных домохозяйств в Болгарии (5%), Португалии (7%), Испании и Италии (8%). В США, по переписи 2010 г., 43% домохозяйств были однодетными, 37% двухдетными, 20% многодетными³. В России, по переписи 2010 г., — 67, 27 и 6% соответственно [5].

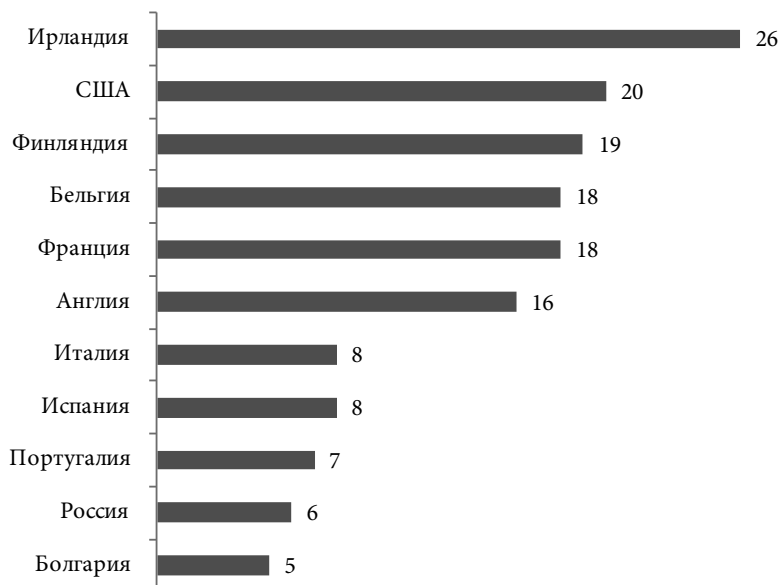

Рис. 3. Доля домохозяйств с тремя и более детьми в ЕС (страны с наибольшими и наименьшими показателями) в 2018 г., в США и России в 2010 г.

Уровень брачности и разводимости, средний возраст вступления в брак существенно варьируют между странами. Россия занимала в 2017 г. второе место в мире (после Китая) по числу браков и первое

¹ Households with children in the EU // Eurostat [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/-/EDN-20190601-1>

² US Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Table 67. P. 58 [online]. Accessed 12.07.2019. URL: <https://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html>

³ Ссылки на эти данные по Европе и по США см. в сносках 1 и 2 соответственно.

место по числу разводов (второе место — Латвия). Высока доля повторных браков, но и их пропорция различается в разных странах. Например, наиболее высокие показатели в Латвии (20%), а наиболее низкие в Ирландии (7%) [46]. Таких данных нет по России.

Сожительства в разной мере распространены в странах мира, и их доля во многих странах увеличивалась [49, р. 62–64]. Эта тенденция связана в первую очередь со снижением интереса к официальному браку, а также с возросшей самостоятельностью женщин, высокой мобильностью населения, откладыванием брака и деторождения.

Социологи в мусульманских странах, в частности в Иране, также отмечают сокращение браков, длящихся всю жизнь, и распространение временных союзов (*Sighe*). Такой процесс откладывания брака и родительства среди молодежи связывается с модернизацией, секуляризацией, возрастанием личностной автономии и индивидуализма [21, р. 1]. Временные союзы являются альтернативами брака и своего рода институтами, ибо предполагают наличие контракта, регламентирование их продолжительности, наличие согласия отца в случае девственности партнерши [21, р. 3].

Процесс диверсификации демонстрируют данные о распространенности сожительствующих пар с детьми в разных странах и об уровне внебрачной рождаемости. Доля сожительствующих пар с детьми выше в тех странах, в которых высок показатель внебрачной рождаемости. По данным ОЭСР, больше всего сожительствующих пар с детьми зафиксировано в Исландии и Эстонии (17% от всех домохозяйств, включающих состоящие в браке / гражданском партнерстве пары или сожительствующие пары), в Швеции (16%), в Норвегии (15%), во Франции (13%), в Дании, Англии, Канаде (9%), в Нидерландах (8%); меньше всего на Мальте (4%), в Хорватии (2%), на Кипре (1%) [47]. Эти данные коррелируют с уровнем внебрачной рождаемости, в частности в Европейских странах⁴ (см. рис. 4).

В результате вдовства, разводов, внебрачной рождаемости в последние десятилетия увеличивалась доля семей с одним родителем во многих странах мира. Статистика ведется по-разному — доля детей (0–17 лет), проживающих только с одним родителем, или доля материнских и отцовских семей среди семей с детьми. В Европейском союзе в 2018 г. в среднем 15% домохозяйств с зависимыми детьми составили семьи с одним родителем. Больше всего их в Дании (29%), в Эстонии (28%), в Швеции и Литве (25%); меньше всего в Хорватии (6%), в Румынии (7%), в Греции, Финляндии, Словакии (8%)⁵. В России и США, по

⁴ Share of live births outside marriage // Eurostat [online]. Accessed 25.08.2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00018/default/table?lang=en>

⁵ Households with children in the EU // Eurostat [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/-/EDN-20190601-1>

данным переписей 2010 г., доля таких семей — 30 и 33% соответственно (см. [5], а также данные американской статистики⁶) (рис. 5).

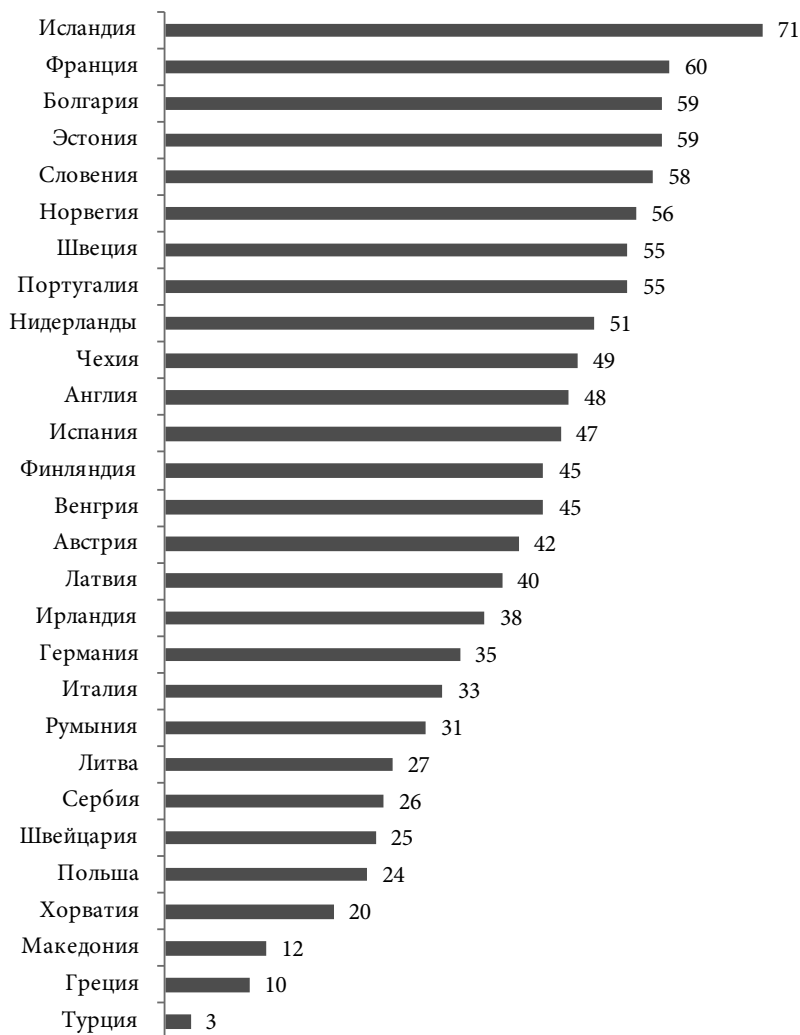

Рис. 4. Внебрачная рождаемость в Европейских странах в 2017 г.

⁶ US Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Table 67. P. 58 [online]. Accessed 12.07.2019. URL: <https://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html>

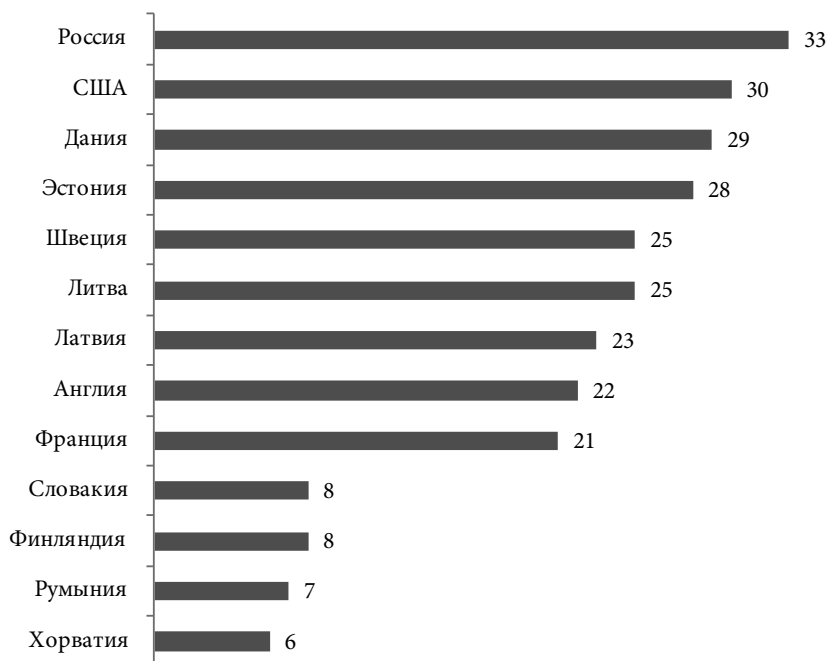

Рис. 5. Домохозяйства с одним родителем среди домохозяйств с детьми в ЕС (страны с наибольшими и наименьшими показателями) в 2018 г., в США и России в 2010 г.

Во всех развитых странах увеличивается доля отцовских семей. Среди европейских стран больше всего отцовских семей в Швеции, Румынии, Норвегии, а меньше всего в Эстонии, на Кипре [38] (см. рис. 6). В США, по данным переписи 2010 г., среди «одиноких» родителей с несовершеннолетними детьми доля отцов составила 15%⁷, в 2019 г. — уже 24%⁸. В России в 2010 г. среди «одиноких родителей» 39% матерей и отцов проживали с другими родственниками, 55% составляли матери с детьми и 6% — отцы с детьми. «Одинокие» отцы чаще, чем матери, проживают с родственниками, то есть их доля значительно выше 6% [5]. В мусульманских странах отцы часто остаются с детьми после развода, в частности с сыновьями. Но статистики по этим странам не найдено.

⁷ US Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Table 67. P. 58 [online]. Accessed 12.07.2019. URL: <https://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html>

⁸ US Census Bureau. Families by Presence of Own Children Under 18 [online]. Accessed 12.07.2019. URL: <https://www.census.gov/newsroom/stories/2019/single-parent-day.html>

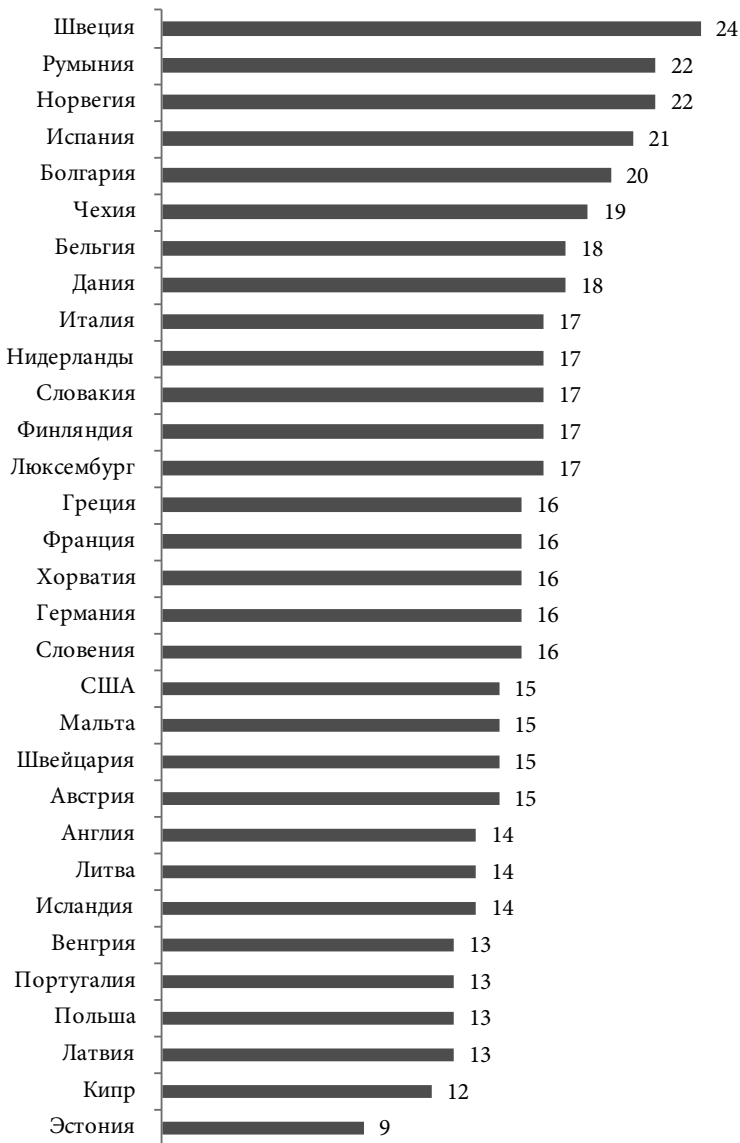

Рис. 6. Доля отцовских семей среди семей с одним родителем в странах ЕС в 2011 г., в США в 2010 г.

В XX в. были узаконены гражданские партнерства во многих европейских странах — США, Канаде, Австралии — как этап до легализации однополых браков. В ряде стран — в Австралии, Швеции, Франции, Канаде, Венгрии — там, где гражданские партнерства узаконены, статистика вместо неформальных сожительств ведется по граж-

данским партнерствам [49, р. 64]. Поэтому динамику описать сложно. Распространяются однополюсные семьи: например, в Австралии с 2006 по 2016 г. их количество увеличилось на 82% [26]. Исследователи отмечают, что мужские и женские идентичности в однополых парах сохраняются, вопреки предыдущим исследованиям [23, р. 480]. При этом данные исследований о специфике развития детей из однополых семей противоречивы и в основном интерпретируются исходя из отношения общества и ближайшего окружения к таким семьям [23, р. 484–486].

В условиях миграции и глобализации увеличивается доля межстрановых домохозяйств и семей как в Европейских странах [24, р. 3–30], так и на африканском континенте. В Южной Африке, например, каждое четвертое домохозяйство включает члена, работающего за пределами страны [43, р. 5]. Подобных данных нет по России.

В европейских исследованиях разнообразие семейных моделей анализируется с помощью эмпирических индикаторов поведения, установок, показателей стилей жизни различных социальных групп в количественных исследованиях. Но наиболее популярны качественные методы: дискурс-анализ (как говорят о семье в СМИ, политических программах и дебатах, в юридических и медицинских текстах), анализ фотографий, детских рисунков и артефактов и семейных образов в Web 2.0 [44, р. 85–94].

Подход институциональной логики (ПИЛ)

Четвертый в типологии подход — *институциональной логики* (ИЛ) [см.: 18, с. 112–127]. Каждая институциональная сфера имеет внутреннюю логику и идентифицируется через дифференциацию своей логики от логики других сфер. Это семейная, научная, политическая, экономическая, религиозная, эстетическая и эротическая сферы [37, р. 10]. Объединение субъектов, объектов и практик в подходе ИЛ происходит путем обращения к институциональной субстанции, лежащей в основе каждого институционального порядка. В семейной жизни есть что-то такое, что не сводится к индивидуализации или рефлексивной адаптации так, как это сформулировали ученые, представители подхода диверсификации. «Это “нечто” имеет свою собственную внутреннюю логику, и это “нечто” несводимо ни к какому конкретному дискурсу о семье, форме семьи, набору семейных практик и т. д. Напротив, каждый из семейных субъектов, объектов и практик является “семейным” в той мере, в какой он выражает семейную субстанцию, или внутреннюю логику семьи» [37, р. 11].

Кнапп и Вурм подчеркивают, что необходима своего рода спецификация институциональной семейной субстанции, которая выше любой из форм, практик или субъективностей в отношениях [37, р. 13]. Но единична ли такая семейная субстанция, отличающая ее от субстанций других институтов? Институт семьи состоит из нескольких институтов — супружества, родительства, родства, каждый из которых, вероятно, имеет свою логику. Что брать за точку отсчета? Объективные, семейные

структуры или семейные идентичности? Есть ли что-то общее в семейной логике человека, проживающего с собакой или кошкой, с семейной логикой многодетной семьи? Возможно, это удовлетворение потребности в привязанности? Представители феноменологического подхода Губриум и Гольштейн определяют наличие семьи «эмоциональностью, заботой, уходом и длительностью межличностных отношений» [36, р. 652].

Универсальную отличительную особенность семейного института от других институтов авторы выделяли по-разному. Р. Алфорд и Р. Фридланд концептуализировали институциональную логику семьи как общность и мотивацию человеческой активности к безоговорочной верности своим членам и их репродуктивным потребностям. М. Вебер отмечал, что семейная сфера основана на нерациональном коммунизме, или коммунализме, что отличает ее от рациональной экономической сферы. П. Торнтон и соавторы рассматривали семью как вид фирмы (в их случае издательской), основанной на безусловной преданности ее членов [цит. по: 37, р. 13].

Анализ особой логики семейного института в сравнении с логиками других институтов, выявление специфики «семейного» может стать предметом дискуссии. Еще в прошлом веке такой особенностью института семьи можно было считать рождение и социализацию детей. В настоящий же период развития репродуктивных технологий, внесемейных институтов социализации и распространения семей, основанных на гомосексуальных отношениях, такая, казалось бы, непреходящая сущность семейного института может быть оспорена.

«Число логик, соперничающих на одном и том же институциональном пространстве, часто бывает больше двух» [18, с. 117]. Очевидно, что это утверждение справедливо в отношении такого многогранного института, как семья, в развитии которого можно обнаружить множество логик и их комбинаций в зависимости от исторического и социального типа семьи. Исторически наряду с динамикой семейных функций, вероятно, происходили изменения и в семейных логиках, например от экономической логики и логики воспроизводства к эмоциональной и сексуальной.

Различные социальные и структурные типы семей также, вероятно, обладают специфической логикой. Так, логикой семей бомжей, можно считать физическое выживание, а логикой семей элиты — передачу собственности последующим поколениям. Логикой семей ремесленников можно определить как передачу не только социального статуса, но и профессиональной квалификации своим детям и т. д. Можно предположить, что и логика различных семейных структур отличается. В семьях с одним родителем это «поставить на ноги ребенка», часто в ущерб удовлетворению собственных сексуальных и эмоциональных потребностей. В современных нормативных семьях, напротив, это супружеская любовь или циклы насилия. В межэтнических или межстрановых семьях могут быть свои логики. Однако подход ИЛ в типологии Кнаппа и Вурма не предполагает горизонтальных сравнений, только вертикальные.

ПИЛ также предполагает наличие конфликтующих логик, что может быть либо устойчивым состоянием, либо преходящей фазой, которая со временем приведет к появлению гибридов; ставится вопрос об иерархическом соподчинении логик [18, с. 18]. Как анализировать развитие института семьи под таким углом зрения, тема для дальнейших размышлений.

По мнению Кнаппа и Вурма, переход от дюркгеймовской институциональной традиции к веберовской ИЛ — это другой способ понять институциональный характер семейной жизни, и он будет способствовать лучшему теоретизированию изменения семьи. Пока же конечный вывод ИП и ПИЛ сходны. Если ученые, представители институционального подхода, рассуждают о кризисе семьи и перехвате семейных функций другими социальными институтами, то сторонники подхода ИЛ говорят о колонизации «семейного» экономической и потребительской институциональными логиками.

Специальных исследований с применением ПИЛ к анализу семьи практически нет ни в России, ни в развитых странах. Примером лишь может служить исследование американских студентов Р. Фридланда и соавторов, которые продемонстрировали, как современная институциональная логика романтической любви может быть дифференцирована от случайного секса, а также от институциональной логики супружеской любви [33, р. 351–358]. Однако возникает вопрос, можно ли «любовь», в частности супружескую, рассматривать как отдельный институт? И является ли институтом «ненависть»? Семейные отношения амбивалентны. Собственно, и сам подход критикуется российскими авторами: «Достаточно вольное обращение исследователей с концептом “институциональная логика” приводит к тому, что в нем не остается ни института, ни логики» [18, с. 126]. Анализ семейных изменений в рамках ПИЛ пока вызывает больше вопросов, нежели ответов.

Подход семейного развития (ПСР)

Типология Кнаппа и Вурма относится к историческому развитию института семьи. И их анализ следует отличать от пласта работ, в том числе теоретических, в которых представлен подход семейного развития (ПСР), то есть развития семьи как группы с соответствующими стадиями и переходами. В XX в. социологи семьи использовали понятие «жизненного цикла семьи» (*family life cycle*), введенное американскими основоположниками подхода семейного развития (*development approach*) Э. Дувал и Р. Хиллом. Нормативный цикл предполагал доброе ухаживание, вступление в брак, адаптацию супругов, рождение ребенка, принятие родительских ролей, рождение последующих детей, стадию «пустого гнезда», вдовство одного из супругов. Уже в 1970-х гг. понятие «жизненного цикла» подверглось критике со стороны европейских социологов, в частности Яна Троста. В результате в 1980-х гг. появилось понятие «семейный жизненный путь» (*family life course*), подразумевающее необязательность нормативных событий в жизни семей и индивидов. Подход семейного развития (*family development theory*),

аккумулировав теорию жизненного пути, оформился в подход развития семейного жизненного пути (ПСР) [11, с. 108–117].

ПСР используется для проведения и интерпретации данных лонгитюдных исследований, результаты которых свидетельствуют, что семейные жизненные пути становятся все более разнообразными. Разводы настолько распространены, что их уже квалифицируют как нормативные события в семейном развитии (см. [39, р. 62]). Брачно-семейные жизненные пути мужчин и женщин гипотетически зависят от многих факторов: пола, места и страны рождения и проживания, уровня образования, социального статуса и т. д. На эмпирическом уровне такие пути анализировались, например, в рамках проекта Европейской экономической комиссии ООН. В середине 1990-х гг. в 24 развитых странах по сходной выборке и методике с использованием биографического и когортного подходов проведено исследование брачных и репродуктивных историй женщин и мужчин. Изучалась динамика возраста покидания родительского дома, первого партнерства, сексуального контакта, рождения ребенка и т. д. (Fertility and Family Surveys Project) [32]. В 2000-х гг. по сходной методике также было проведено международное лонгитюдное исследование «Пол и поколения» (GGS-2000's), в котором принимала участие и Россия [см., например: 13; 17]. Третий этап этого проекта запланирован на 2020 год с участием более 20 стран⁹. Подобные лонгитюдные исследования домохозяйств, позволяющие анализировать брачно-семейные пути, проводятся, например в Китае¹⁰, Соединенном Королевстве¹¹. В России аналогом является РМЭЗ¹².

На теоретическом уровне уже в XXI в. сделана попытка совершенствовать ПСР подходом многомерного семейного развития, в котором показана взаимозависимость четырех измерений: индивидуальное (биологическое) взросление, развитие пары (супруги, родитель-ребенок), профессиональное развитие и генеративность / воспитание детей [31]. Авторы предлагают новые понятия и их операционализацию для проведения исследований, а также демонстрируют возможности практического применения подхода в семейном консультировании и программах подготовки к партнерским отношениям в браке.

⁹ Generations & Gender Programme GGS (2020) [online]. Accessed 10.09.2019. URL: <https://www.ggp-i.org/about/>

¹⁰ China Family Panel Studies (CFPS) [online]. Accessed 12.09.2019. URL: <https://opendata.pku.edu.cn/dataverse/CFPS?language=en>

¹¹ British Household Panel Survey (BHPS) [online]. Accessed 12.09.2019. URL: <https://www.iser.essex.ac.uk/bhps>

¹² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [online]. Accessed 12.09.2019. URL: <https://www.hse.ru/rlms/>

Социальные различия брачного поведения

В чем сходятся западные социологи и что подтверждает анализ данных российских исследований, так это расхождение моделей организации частной жизни, в том числе брачного поведения среди различных социальных групп, по крайней мере среди женщин с высшим образованием и среди не имеющих высшего образования. А. Черлин интерпретирует эти различия, опираясь на понятие культурного капитала П. Бурдьё, то есть потребностью высокообразованного населения передать детям свой культурный капитал, что можно более эффективно реализовать в браке [27, р. 67]. Автор статьи интерпретировала эти различия исходя из тезиса К. Маркса и Ф. Энгельса о «вынужденной бессемейности» пролетариата. Отсутствие стабильных рабочих мест в постиндустриальный период не способствует созданию прочных браков в среде рабочего класса [10, с. 55–58]. Этот тезис о деинституционализации брака среди граждан, не имеющих высшего образования, в России нуждается в дальнейшем подтверждении на основе эмпирического анализа.

Заключение

Несмотря на популярность концептуализации семьи как социального института, ученые стали искать новые пути для объяснения происходящих изменений. В XXI веке в условиях миграции, глобализации, распространения новых репродуктивных технологий требуется пересмотр теоретических подходов к изучению семьи прошлого века.

Из четырех подходов, включенных в типологию, подход диверсификации, постинституциональный (ПП), представляется наиболее конструктивным для оценки темпов происходящих изменений. В большинстве стран мира увеличивается доля сожительства и партнерств; сводных, бинуклеарных семей; семей с одним родителем, включая отцовские; распространяются межстрановые и однополюе семьи, приемные семьи и т. д. Масштабы такой диверсификации — предмет изучения социологов.

В чем сходятся западные социологи и что подтверждает анализ российских исследований, так это различия моделей организации частной жизни в разных социальных группах, как минимум среди образованных и необразованных граждан. Анализ тенденций распространенности альтернативных форм семейной жизни в различных социальных группах позволяет оценить характер изменений институтов брака и семьи либо как эволюционных, либо как трансформационных.

Авторы анализируемой типологии предлагают рассмотреть возможность применения ПИЛ, который в настоящее время не встречается в семейной литературе. Возможно, оптимизм авторов и оправдан. ПИЛ может стимулировать дискутирование специфического «семейного» в сравнении с иными сферами. Но в целом представители ПИЛ, так же, как и ИП и НИП, приходят к выводу о конкурирующих требованиях других институтов в условиях постиндустриальных обществ. Индивиды и семьи отклоняются от институциональных семейных норм, чтобы приспособиться к нормам других институтов, таких как работа и образование.

Меняется не только институт семьи, исследователи фиксируют расширяющееся разнообразие семейных жизненных путей в XXI в. В связи с этим в статье проблематизируется недостаток российских лонгитюдных исследований и работ, в которых описываются семейные пути, в том числе среди различных социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 40–43.
2. Антонов А.И., Борисов В.А. Кризис семьи и пути его преодоления. Научный доклад. М.: Ин-т социологии АН СССР, 1990. — 36 с.
3. Вишневский А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — 517 с.
4. Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Обновление семьи и брака // Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Вишневского. М.: Новое из-во, 2006. С. 67–148.
5. Всероссийская перепись населения 2010. Том 6. Число и состав домохозяйств [электронный ресурс]. Дата обращения 18.05.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
6. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. Л.: Наука, 1984. — 136 с.
7. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
8. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2004. — 208 с.
9. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
10. Гурко Т.А. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. Т. 5. С. 51–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355>
11. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. — 210 с.
12. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113)
13. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–126.
14. Коротяев А.В., Столярова Т.И., Халтурина Д.А. Религиозность в странах современного мира // Историческая психология и социология истории. 2012. № 2. С. 99–108.
15. Синельников А.В. Семья и брак: кризис или модернизация // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 95–113. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5715](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715)

16. *Сорокин П.А.* Американская сексуальная революция / Пер. с англ. Г.Ф. Войтенкова; Ред. Н.Е. Маркова. М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2006. — 152 с.
17. *Чурилова Е.В.* Брачно-семейные траектории одиноких матерей в России: Дисс. ... канд. социологических наук: 22.00.03. М.: НИУ ВШЭ, 2016. — 176 с.
18. *Шмерлина И.А.* «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812
19. *Харчев А.Г., Мацковский М.С.* Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978. — 224 с.
20. *Янкова З.А.* Городская семья. М.: Наука, 1979. — 183 с.
21. *Aghajanian A., Vaezzade S., Kohan J.A., Thompson V.* Recent trends of marriage in Iran // The Open Family Studies Journal. 2018. No. 10. P. 1–8. DOI: 10.2174/1874922401810010001
22. *Amato P. R.* Tension between institutional and individual views of marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66. No. 4. P. 959–965. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00065.x
23. *Biblarz T.J., Savci E.* Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Families // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72. No. 2. P. 480–497. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00714.x
24. *Bryceson D., Vuorela U.* Transnational families in the 21st Century // The transnational family: New European frontiers and global networks / Ed. by D. Bryceson, U. Vuorela. Oxford: Berg Publishers. 2002. P. 3–30.
25. *Burgess E.W., Locke H.J.* The family: From institution to companionship. New York, NY: American Book, 1945. — 800 p.
26. Census of population and housing: Australia revealed, 2016 // Australian Bureau of Statistics [online]. Accessed 10.07.2019. URL: <https://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/mf/2024.0>
27. *Cherlin A.J.* Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. No. 1. P. 62–80. DOI:10.1111/jomf.12605
28. *Cook K.* The family: What is it, how do we study it and why? // Journal of Family Studies. 2014. Vol. 20. No. 1. P. 2–4. DOI: <https://doi.org/10.5172/jfs.2014.20.1.2>
29. *Coontz S.* Revolution in intimate life and relationships // Journal of Family Theory & Review. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12061>
30. *Coontz S.* The way we never were: American families and the nostalgia trap. Revised and update ed. New York: Basic Books, 2016. — 576 p. DOI: 10.1086/ahr/98.5.1667
31. *Crapo J., Bradford K.* Multidimensional family development theory: An evolution of family development // National Council on Family Relations [online]. Accessed 08.03.2020. URL: <https://www.ncfr.org/ncfr-2017/term-2017-papers/007-01>
32. *Festy P., Prioux Fr.* An evaluation of the fertility and family surveys project. N.Y., Geneva: United Nations, 2002. — 68 p.
33. *Friedland R., Mohr J.W., Roose H., Gardinali P.* The institutional logics of love: Measuring intimate life // Theory and Society. 2014. Vol. 43. No. 3–4. P. 333–370. DOI: 10.1007/s11186-014-9223-6

34. *Gilding M.* Reflexivity over and above convention: The new orthodoxy in the sociology of personal life, formerly sociology of the family // *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. No. 4. P. 757–777. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2010.01340.x
35. *Green A.I., Valleriani J., Adam B.* Marital monogamy as ideal and practice: The detraditionalization thesis in contemporary marriages // *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. No. 2. P. 416–430. DOI: 10.1111/jomf.12277
36. *Gubrium J.F., Holstein J.A.* Phenomenology, ethnomethodology, and family discourse // *Sourcebook of family theories and methods. A contextual approach* / Ed. by P.G. Boss, W.J. Doherty, R. LaRossa, W.R. Schumm, S.K. Steinmetz. New York: Plenum Press, 1993. P. 651–672. DOI: 10.1007/978-0-387-85764-0
37. *Knapp S.J., Wurm G.* Theorizing family change: A Review and Reconceptualization // *Journal of Family Theory & Review*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 4–19. DOI: 10.1111/jftr.12329
38. Lone parent families, 2011 Census data // *People in the EU. A uniquely rich snapshot of the EU population*. 208/2015 – 27 November 2015 [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7088499/3-27112015-AP-EN.pdf/969683ce-267d-45eb-8dc4-ae1e95421052>
39. *Martin T.F.* Family development theory 30 years later // *Journal of Family Theory & Review*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 49–69. DOI: 10.1111/jftr.12237
40. *Nelson M.K.* Single mothers “do” family // *Journal of Marriage and Family*. 2006. Vol. 68. No. 4. P. 781–795. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00292.x
41. *Nelson M.K.* Fictive kin, families we choose, and voluntary kin: What does the discourse tell us? // *Journal of Family Theory & Review*. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 259–281. DOI: 10.1111/jftr.12019
42. *Poushter J., Fetterolf J., Tamir C.A.* Changing world: Global views on diversity, gender equality, family life and the importance of religion. Pew Research Center, April 2019. — 44 p.
43. Transnational families and the social and gender impact of mobility in ACP countries // *International Organization for Migration (IOM)*. 2012. — 27 p. [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <https://publications.iom.int/books/transnational-families-and-social-and-gender-impact-mobility-acp-countries>
44. *Richter R.* Images of the family – How to define them through sociological empirical data // *Family diversity: Collection of the 3rd European congress of family science* / Ed. by O. Kapella, C. Rille-Pfeiffer, M. Rupp, N.F. Schneider. Barbara Budrich Publishers, 2010. P. 85–94. DOI: 10.2307/j.ctvdf01tb.10
45. SF1.1: Family size and household composition // *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
46. SF3.1: Marriage and divorce rates // *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.03.2020. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
47. SF3.3. Cohabitation rate and prevalence of other forms of partnership // *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
48. *White J.* *Advancing family theories*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. — 216 p.
49. *Wilcox W.B., DeRose L., Carroll J.S.* *World family map 2019: Mapping family change and child well-being outcomes*. Institute for Family Studies. 2019. —

- 97 p. [online]. Accessed 08.03.2020. URL: <https://ifstudies.org/ifs-admin/resources/reports/worldfamilymap-2019-051819final.pdf>
50. *Yodanis C., Lauer S.* Is marriage individualized? What couples actually do // *Journal of Family Theory & Review*. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 184–197. DOI: 10.1111/jftr.12038
51. *Zimmerman C.* Family and civilization. New York, London: Harper and Brothers. 1947. — 829 p.

Дата поступления: 02.08.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. NO. 1. P. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052

T.A. GURKO

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

Tatiana A. Gurko — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (916) 091-50-67. **Email:** tgurko@yandex.ru

THEORETICAL APPROACHES TOWARDS STUDYING THE TRANSFORMATION OF THE FAMILY INSTITUTION

Abstract. The transformation of the institutions of marriage, family and parenthood in recent decades in the context of rapid social, economic, cultural and technological innovations worldwide encourages theorists to look for explanations of the nature and direction of the processes that are taking place. American sociologists of the family Stan Knapp and Greg Wurm present a rather promising systematization of the theoretical approaches to changes in the institution of the family. The criteria of approaches according to the authors' typology: relationality – vertical / horizontal, and dimensionality – single / multidimensional.

This article's purpose is to reflect on this typology so that Russian researchers go beyond theorizing in the framework of “opposing paradigms of crisis – modernization of the institution of family” disputes, which are more ideological than scientific.

The institutional approach is widely represented in the works of classics of foreign and Russian sociology of the family. The classic institutional approach is expanded upon by the works of representatives of the new institutional approach. In the approach of deinstitutionalization, the main emphasis is placed on increasing individual needs, with “family” being a “pure relationship”. The diversification approach, which was mentioned among others by the author of this very article in the mid-1990's, seems to be the most constructive from an empirical point of view. The article shows the diversification of the family institution, the spread of new family structures in many countries with references to empirical studies and statistical sources. Knapp and Wurm, the authors of the presented typology, consider the approach of institutional logic in relation to the family to be promising. The main problems of its application are discussed in article.

The application of the classical theory of family development, as it was formulated in the 20th century when normative family paths were dominant, is also problematized, together with the lack of Russian longitudinal studies and works that describe modern family life paths.

What western sociologists agree on, and what the analysis of Russian studies confirms, are the differences in the models of organizing private life in different social groups, at least among educated and uneducated citizens. Analysis of trends in the prevalence of alternative forms of family life in different social groups allows us to assess the nature of changes in the institutions of marriage and family, either as evolutionary or transformational.

Keywords: family; transformation; institution; individualization; diversification; institutional logic; family transition.

For citation: Gurko T.A. Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052

REFERENCES

1. Antonov A.I. Crisis of dynastic civilization in the XXI century. *Ekonomicheskie strategii*. 2016. No. 1. P. 40–43. (In Russ.)
2. Antonov A.I., Borisov V.A. *Krizis sem'i i puti ego preodoleniya. Nauchnyi doklad*. [Crisis of a family and ways to overcome it. Science report.] Moscow: In-t sotsiologii AN SSSR publ., 1990. 36 p. (In Russ.)
3. Vishnevskii A.G. *Vremya demograficheskikh peremen: izbrannye stat'i*. [Time of demographic changes: selected articles.] Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE publ., 2015. 517 p. (In Russ.)
4. Vishnevsky A.G., Zakharov S.V., Ivanova E.I. *Renewal of family and marriage. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000*. [Demographic modernization of Russia: 1900–2000.] Ed. by A. Vishnevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2006. P. 67–148. (In Russ.)
5. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010. Tom 6. Chislo i sostav domokhozyaistv*. [All-Russian population census 2010. Volume 6. Number and composition of households.]. Accessed 18.05.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.)
6. Golod S.I. *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekt*. [Family stability: sociological and demographic aspects.] Leningrad: Nauka publ., 1984. 136 p. (In Russ.)
7. Golod S.I. Socio-demographic analysis of the state and evolution of the family. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 1. P. 40–49. (In Russ.)
8. Giddens A. The transformation of intimacy. Sexuality, love, and eroticism in modern Societies. [Russ. ed.: *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh*. Transl. from Eng. by V. Anurin. St Petersburg: Piter publ., 2004. 208 p.]
9. Gurko T.A. Transformation of the family institution. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995. No. 10. P. 95–99. (In Russ.)
10. Gurko T.A. Development of Marriage and Family Relations in Russia and Implementation of Family Policy. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2017. No. 3. Vol. 5. P. 51–71. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355>
11. Gurko T.A. *Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i*. [Theoretical approaches to family studies.] 2th ed., revised. Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 2016. 210 p. (In Russ.)
12. Gurko T.A. New family forms: tendencies of spreading and concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 99–110. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162517110113
13. Zakharov S.V. Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the “Golden age” of traditional marriage nearing its end? *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*. [Parents and children, men and women in the family and society.] Ed. by T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya. Moscow: NISP publ., 2007. P. 75–126. (In Russ.)

14. Korotaev A.V., Stolyarova T.I., Khalturina D.A. Religiosity in the countries of the modern world. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2012. No. 2. P. 99–108. (In Russ.)
15. Sinelnikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization? *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715
16. Sorokin P.A. The American sex revolution. [Russ. ed.: *Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya*. Transl. from Eng. by G.F. Voitenkova; Ed. by N.E. Markova. Moscow: Mezhdunarodnyi institut Pitirima Sorokina – Nikolaya Kondrat'eva publ., 2006. 152 p.]
17. Churilova E.V. *Brachno-seimeinye traektorii odinokikh materei v Rossii: Dis ... kand. sotsiologicheskikh nauk: 22.00.03*. [Marital and family trajectories of single mothers in Russia: The Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences.] Moscow: NIU VShE publ., 2016. 176 p. (In Russ.)
18. Shmerlina I.A. “Institutional Logic”: Critical analysis of the direction. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 4. P. 110–138. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812
19. Kharchev A.G., Matskovsky M.S. *Sovremennaya sem'ya i ee problemy*. [The modern family and its problems.] Moscow: Statistika publ., 1978. 224 p. (In Russ.)
20. Yankova Z.A. *Gorodskaya sem'ya*. [City family.] Moscow: Nauka publ., 1979. 183 p. (In Russ.)
21. Aghajanian A., Vaezzade S., Kohan J.A., Thompson V. Recent trends of marriage in Iran. *The Open Family Studies Journal*. 2018. No. 10. P. 1–8. DOI: 10.2174/1874922401810010001
22. Amato P.R. Tension between institutional and individual views of marriage. *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. No. 4. P. 959–965. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00065.x
23. Biblarz T.J., Savci E. Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Families. *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72. No. 2. P. 480–497. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00714.x
24. Bryceson D., Vuorela U. Transnational families in the 21st Century. *The transnational family: New European frontiers and global networks*. Ed. by D. Bryceson, U. Vuorela. Oxford: Berg Publishers. 2002. P. 3–30.
25. Burgess E.W., Locke H.J. *The family: From institution to companionship*. N.Y.: American Book, 1945. 800 p.
26. Census of population and housing: Australia revealed, 2016. *Australian Bureau of Statistics* [online]. Accessed 10.07.2019. URL: <https://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/mf/2024.0>
27. Cherlin A.J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis. *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. No. 1. P. 62–80. DOI: 10.1111/jomf.12605
28. Cook K. The family: What is it, how do we study it and why? *Journal of Family Studies*. 2014. Vol. 20. No. 1. P. 2–4. DOI: <https://doi.org/10.5172/jfs.2014.20.1.2>
29. Coontz, S. Revolution in intimate life and relationships. *Journal of Family Theory & Review*. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12061>
30. Coontz S. *The way we never were: American families and the nostalgia trap*. Revised and update ed. N.Y.: Basic Books, 2016. 576 p. DOI: 10.1086/ahr/98.5.1667
31. Crapo J., Bradford K. Multidimensional family development theory: An evolution of family development. *National Council on Family Relations*. Accessed 08.03.2020. URL: <https://www.ncfr.org/ncfr-2017/tcrm-2017-papers/007-01>
32. Festy P., Prioux Fr. *An evaluation of the fertility and family surveys project*. N.Y., Geneva: United Nations, 2002. 68 p.
33. Friedland R., Mohr J.W., Roose H., Gardinali P. The institutional logics of love: Measuring intimate life. *Theory and Society*. 2014. Vol. 43. No. 3–4. P. 333–370. DOI: 10.1007/s11186-014-9223-6

34. Gilding M. Reflexivity over and above convention: The new orthodoxy in the sociology of personal life, formerly sociology of the family. *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. No. 4. P. 757–777. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2010.01340.x
35. Green A.I., Valleriani J., Adam B. Marital monogamy as ideal and practice: The detraditionalization thesis in contemporary marriages. *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. No. 2. P. 416–430. DOI: 10.1111/jomf.12277
36. Gubrium J.F., Holstein J.A. Phenomenology, ethnomethodology, and family discourse. *Sourcebook of family theories and methods. A contextual approach*. Ed. by P.G. Boss, W.J. Doherty, R. LaRossa, W.R. Schumm, S.K. Steinmetz. N.Y.: Plenum Press, 1993. P. 651–672. DOI: 10.1007/978-0-387-85764-0
37. Knapp S.J., Wurm G. Theorizing family change: A Review and Reconceptualization. *Journal of Family Theory & Review*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 4–19. DOI: 10.1111/jftr.12329
38. Lone parent families, 2011 Census data. *People in the EU. A uniquely rich snapshot of the EU population. 208/2015 – 27 November 2015* [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7088499/3-27112015-AP-EN.pdf/969683ce-267d-45eb-8dc4-ae1e95421052>
39. Martin T.F. Family development theory 30 years later. *Journal of Family Theory & Review*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 49–69. DOI: 10.1111/jftr.12237
40. Nelson M.K. Single mothers “do” family. *Journal of Marriage and Family*. 2006. Vol. 68. No. 4. P. 781–795. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00292.x
41. Nelson M.K. Fictive kin, families we choose, and voluntary kin: What does the discourse tell us? *Journal of Family Theory & Review*. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 259–281. DOI: 10.1111/jftr.12019
42. Poushter J., Fetterolf J., Tamir C.A. *Changing world: Global views on diversity, gender equality, family life and the importance of religion*. Pew Research Center, April 2019. 44 p.
43. Transnational families and the social and gender impact of mobility in ACP countries. *International Organization for Migration (IOM)*. 2012. 27 p. Accessed 20.07.2019. URL: <https://publications.iom.int/books/transnational-families-and-social-and-gender-impact-mobility-acp-countries>
44. Richter R. Images of the family — How to define them through sociological empirical data. *Family diversity: Collection of the 3rd European congress of family science*. Ed. by O. Kapella, C. Rille-Pfeiffer, M. Rupp, N.F. Schneider. Barbara Budrich Publishers, 2010. P. 85–94. DOI: 10.2307/j.ctvdf01tb.10
45. SF1.1: Family size and household composition. *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
46. SF3.1: Marriage and divorce rates. *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.03.2020. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
47. SF3.3. Cohabitation rate and prevalence of other forms of partnership. *OECD Family Database* [online]. Accessed 20.07.2019. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>
48. White J. *Advancing family theories*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. 216 p.
49. Wilcox W.B., DeRose L., Carroll J.S. *World family map 2019: Mapping family change and child well-being outcomes*. Institute for Family Studies. 2019. 97 p. Accessed 08.03.2020. URL: <https://ifstudies.org/ifs-admin/resources/reports/worldfamilymap-2019-051819final.pdf>
50. Yodanis C., Lauer S. Is marriage individualized? What couples actually do. *Journal of Family Theory & Review*. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 184–197. DOI: 10.1111/jftr.12038
51. Zimmerman C. *Family and civilization*. N.Y. and London: Harper and Brothers. 1947. 829 p.